

Поэтические встречи

Алексей ЧЕРНЕЦ

В ЛЮТОМ ЯНВАРЕ

* * *

Сомненья убей и выкинь,
Не сдерживаясь в размахе -
Как самый паршивый викинг
Убил и послал бы на хель
Всех вкрадчивых доброзвонов,
Что, мягко стелясь и пятясь,
Себя именуют скромно
Объектами обстоятельств.
Облапят и вмиг облепят,
И канет звездой в трясину
Открытка на двадцать третье
«Защитнику От...» от сына.
Серп ночи и молот грома -
Рви плотку, хватай глотками
Тот воздух, что спёрт и продан.
Свобода - она такая...
В бескрайних просторах духа
Под черепом небосвода
Костями гремит старуха -
Единственная свобода.

* * *

Легко ли, нет ли в лютом январе
В лито, о лете помышляя, шляться -
А ты, блин, Байрон, ты давай довлеи
Вглухую неприаренному счастью!

Как стоик, неуклон... и непреклон...
Долбай глаголы в массы до погоста,

Раскручивай завещанный канон
И ощущай блаженство как сиротство.

Не отразится в зеркале, mon cher,
Твоё всеотражающее время.
Ты ощущаешь: кошки на душе
И те не дотянули до апреля.

Но чуден, чуден временной бедлам:
Гармония - в значении гормона,
А счастье растащили по углам
И замели на лапу прокурору.

Тебя-то не берут, и не дают -
Владей собой легко и беспощадно,
Как тени, косо павшие в бою
С холодным высшим светом
стройплощадки.

* * *

Чудотворно и весомо
Круг за кругом по селу
Апокалипсис весёлый
Проносил свою суму.

Зимы сгнули и лета,
От кружения сомлев.
Умер бывш. предсельсовета,
Переживший сельсовет.

Да и память неустанно
Отрекается любя:
Дед Василий, бабка Анна
Отступились, не глядят.

Я и сам с того же края
Недорезанный ломоть -
Пусть поэзия скупую
Надо мной слезу прольёт!

Пусть прольёт не в полудрёме -
Чтобы вышел разговор
Веселей и кроветворней
Всех взбесившихся аврор.

Не прольёт. Мы все без роду,
Социальные слои.
На отдельных бутербродах -
Не своих, но за свои.

Успокоить сумасброда,
отогнать кровавый миф:
Ты поел бы бутерброда,
Если малость перепив.

* * *

Объединение отдельно взятых
куликовых болот,
неуклонное повышение низменности
до отметки единой воли
ускорили выведение куликовых
перспективных пород,
как итог –
реализацию конкурентоспособного
проекта «Куликово поле».

Несомненный исторический факт в
известных кругах
подвергся пересмотру –
многократному и всемерному.
Сомнение как таковое обладает
свойством удара в пах,
что существенно способствует
решению проблемы перенаселения.

Кулик, избавленный от
воспроизводства, приобретает реальное
право на самоопределение личности,
лапчатости, поведения в обществе
(харизматичный кулик, возможно,
крылат, что в общем неактуально),
а также на 12 кв. м полезной площади.

Вы обязаны доказать, что не имеете

в частной собственности
лесов, полей и болот, на
Страшном Суде.
В противном случае Вы теряете право

(фамилия-имя-отчество, подпись)

но отчёт целиком и полностью
отдаёте себе.

* * *

Как дела – если хочешь, спроси,
поддержи традицию.
Никогда больше с этим вопросом –
флажок «отмечено».
Мне казалось всегда, что
этим вопросом предвидится –
Типа, мы не одни во В селе... –
благодарность ответчика.

Что ж, и я благодарен – ну прямо
родился заново.

И зачем я родился... Какие там силы
тяжести? –
Впасть ли, выпасть в разверстую пасть
сезамову:
В тесноте – не в Оби, да повсюду
болото, кажется.

И у нас теснота, две семьи,
обстановка нервная –
Все дела,
что имеют значение рока данности.
Но поэзия - ни таковая, ни современная
Слабаков не ютит, в благодарности
не нуждается.

* * *

Ничего особенного такого, кроме
Мысли, светлой до несомненной выси.
Друг мой, не сомневайся: я очень болен.
Друг мой, болезням свойственны
периоды ремиссий.

Нашу гибель я честно честил и числил.
Побеждённому легче:
и вечность за ним, и правда,
В декабре в той стране снег
до дьявола чист и
грязен до пришествия снегопада.

Знаю, не до телячьих радуг,
таков порядок –

И страну хоронить,
и время зарыть поглубже,
Где огонь-батарея, вода и труба -
триада
С этажа на этаж, вровень
солнечному недужью.

И стоять на восьмом перед картой
морозных кружев,
Согреваясь тем, что осмеяно
и неподвижно –
Что живёшь ты на свете,
кому-то на свете нужен
От слепого стылого солнца
до вот этих снежинок.

* * *

Иной уж век, а ты доверчив
к иному, ласковому дню,
кляня в кромешном склочном скетче
всю дольчу виту на корню.
И те клянут, и ты всё громче –
что сдохнем все и проч., и прочерк...
Как у Ремарка было точно,
что жизни выжить не помочь,
а лишь смотреть,
как там, напротив,
где каждый шорох ощутим,
исчезнет в гулком переходе
чужая часть твоей тщеты.

* * *

Здесь, на крутых поворотах уральских
Чуешь хребтом,
как из выгнутых рельсов
Рвутся взывая фанфарные всплески
К ритму колёсных оаций.

Снова пустая ночная курилка
Примет мои несказанные бредни
Или отвергнет, как этот последний
Гласный, отвергнутый Рильке.

Быть незаметным не значит
быть лишним.
Не оттого ли к танцующим склонам,
В грубых железных ладонях несомый,
Я на мгновенье приближен...

* * *

Феодосийский порт – посмотреть,
пометить,

Что помечтать поехать,
взглянуть на волны.
Ну ни фига себе – двадцать пять
столетий
Городу, мне, тебе... Итого довольно,
Чтобы тряхнуть мощами
и денег чтобы...
Городу двадцать пять, а мы не бывали!
Волны идут, стоят за окном сугробы
Тысячи лет усталыми валунами.

* * *

Всё суета иль это сам
Ты неуместен –
Из бездны скандинавских саг
Лез по отвесной.

И сразу ввысь, и сразу весь,
И всем спасибо
Лихим богам за здесь и днесь
От Новосиба.

Теперь сквозь льдистые взирай
Монокли окон
На то, как шёл путём зерна,
Снегов и смогов.

На истекающий вразлад
С бесплодной думой
Свет фонарей, застывших над
Забывтой руной.

Какого камня ты облом
Иль Иггдрасиля?..
И степь кругом, да, степь кругом –
Среди России,

Где ты покоен, как удав,
И хладнокровен,
Я не пришёл к тебе ни дать,
Ни взять от воли.

* * *

Кроет-воет буря так и растак,
Но закончен до зимы капремонт.
Никаких таких тебе передряг
В блиндаже на рубеже огневом.

Никаких тебе сомнений насчёт
Светлых завтра, закованных в монолит,
Предстоящий безраздельно ещё
Не родившемуся солнцу вдали.

Нам с тобой на рубеже в неглиже,
Словно вечность осмысляя во тще,
В блиндаже на огневом этаже
Изготовиться и выпалить в щель.

И прильнув потом щекою к щеке,
Улыбнуться под сердечный отсчёт,
Как на новеньком рекламном щите,
Не родившемуся солнцу ещё.

* * *

То, что в раннем увидел детстве,
То и станет звездой и бродом...
Дом по улице Сестрорецкой
С палисадом и огородом.

Кухня с печкой, две комнатухи,
Охрой выкрашенные доски,
Мебель... Словом, всё это скучно –
Я-то видел иное вовсе!

Как распахнуто створки зала
Прямо к солнцу меня манили,
Заливавшему несказанно
О счастливом уюте в мире.

Я запомнил себя счастливым
И в неведении тщеславным
Там, под солнцем слепящей синью -
О тоске сосуществованья.

О родительской мелкой распре,
В пропасть временем углублённой,
О слезах, утаённых наспех,
И о ненависти с любовью.

Я не ведал, что счастье шатко,
Им бы счастья того счастливец!
Счастья же не бывает жалко,
Если только оно случится.
